

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90

Научная статья

Рах Романа и римский «империализм» в I в. н.э.⁷

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27–4, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена такому историческому феномену, как римский «империализм» в эпоху Августа и его ближайших преемников. Несмотря на то что основатель Принципата провозгласил наступление «Августова мира», он провел несколько завоевательных войн (например, в Испании и Германии). Однако уже Тиберий отказался от «агрессивного империализма», после чего империя перешла к обороне на всех рубежах. Императоры I в. лишь время от времени предпринимали наступательные акции (например, в Армении или Британии). Вероятно, причин отказа римлян от политики экспансии было две. Во-первых, к тому времени они уже завоевали практически все Средиземноморье и расширять границы империи более не имело смысла. Во-вторых, создание профессиональной армии привело к заметному снижению уровня милитаризации римского общества, которое отныне было кровно заинтересовано в сохранении мира и стабильности на всем пространстве «римского мира».

Ключевые слова: римский «империализм», «оборонительный империализм», «агрессивный империализм», «справедливая война», Квинтилий Вар, Август, Клавдий, Тевтобургский лес, вассальные царства, «Августов мир»

*«Говорят, что империя поведет за собой войну.
Нет! Империя – это мир!»*

Наполеон III

Введение

По мере расширения Римской средиземноморской державы римляне все более убеждали себя в том, что они самим провидением призваны властвовать над миром, а потому постепенно прониклись чувством собственного превосходства над всеми «чужаками», будь то греки или варвары. Отношения римлян с покоренными народами на протяжении веков во многом определяло чувство превосходства, однако на практике римские власти могли (когда

© Никишин В.О., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

хотели!) быть достаточно гибкими и реалистичными. Этот нюанс нашел свое отражение и в идеологии. Так, Проперций писал в одной из своих элегий о Римской державе: «Это страна, которая сильна оружием, но не способна / на коварство – о Рим, молве не стыдно за твою историю. / У нас острый меч, но мы столь же и благочестивы – / Наш гнев умеет сдерживать свою победную длань» (Propert. III. 22. 20–22. Пер. А.И. Любжина).

Методы и материалы

В эпоху «Августова мира» Вергилий писал в «Энеиде»: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твое! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Verg. Aen. VI. 851–853. Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского). В этой чеканной формуле просто и ясно сформулированы основные задачи римской имперской политики. Между тем еще в 66 г. до н.э. в одном из своих публичных выступлений Цицерон заявил: «Трудно выразить словами, квириды, как чужеземные народы ненавидят нас за распущенность и несправедливость тех людей, которых мы в течение последнего времени к ним посылали облеченными империем. Как вы думаете, остался ли в тех краях хотя бы один храм, к которому наши должностные лица отнеслись бы с должным уважением, как к святилищу, хотя бы один город, который они признали бы неприкосновенным, хотя бы один дом, достаточно крепко запертый и защищенный? Они уже выискивают богатые и благоденствующие города, чтобы объявить им войну под любым предлогом, лишь бы получить возможность разграбить их» (Cic. Leg. Manil. 65. Пер. В.О. Горенштейна).

Порой ненависть провинциалов к римлянам приводила к таким кровавым эксцессам, как «Эфесская резня» 88 г. до н.э., когда по приказу царя Митридата VI Эвпатора в Малой Азии при полной поддержке и горячем участии местного населения были перебиты все «одетые в тогу», т.е. не только римляне и италики, но даже греки и азиаты, получившие права римского гражданства, вместе с членами их семей, рабами и вольноотпущенниками – всего порядка 80 тыс. человек.

Серторианская война в Испании, три войны с Митридатом, завоевание Цезарем Галлии, решающая фаза борьбы Антония с Октавианом, а также другие войны и разного рода локальные конфликты с участием римлян, греков и варваров на этом переломном этапе римской истории выявили крайне непростой характер взаимоотношений «природных» римлян с их соседями – союзниками или провинциалами, друзьями или врагами, бывшими или потенциальными, тайными или явными. Кризис республиканской формы правления и начало формирования монархических структур на рубеже эр потребовали не только перестройки самой системы провинциального управления, оказавшейся крайне неэффективной, но и существенных изменений в политике и идеологии имперских властей по отношению к провинциалам и «чужакам» вообще.

Важно отметить следующее: римляне, имея в виду представителей других народов, никогда не проводили ни в теории, ни тем более в повседневной

жизни столь же резкой грани, которая всегда пролегла – по крайней мере, в теории – между греками и варварами. Причины подчас весьма агрессивно и непримиримого римского негативизма по отношению к варварам в известной степени коренятся в греческой антиварварской традиции. Не следует сбрасывать со счетов также фактор военной угрозы, реальной или воображаемой, со стороны варваров. В конечном счете римляне сумели преодолеть узкий «национализм» и создали великую державу, просуществовавшую полтысячи лет.

Исследование проблемы

Римляне, любившие именовать себя «властителями мира» (Cic. *Mur.* 75; App. *Bell. Civil.* I. 11; Polyb. I. 1. 5; Plut. *Tib. Gracch.* 9) [17. Р. 18], породили такой исторический феномен, как римский «империализм»¹. За последние полтора века в антиковедении сформировались, как минимум, три разных подхода к изучению данного феномена. В середине XIX в. появилась теория «оборонительного империализма» (Т. Моммзен, Т. Франк, М. Олло, Ж. Каркопино), в соответствии с которой римляне создали свою державу, защищая самих себя и своих союзников от нападений со стороны воинственных соседей². Антиподом этой теории стала теория «агрессивного империализма» (У. Хэррис, П. Брант, Э. Бэдиан), согласно которой римская внешняя политика была изначально агрессивной в силу якобы имманентно присущего римлянам милитаризма и «воинственного духа». Как это часто бывает, промежуточное положение между двумя крайностями занял третий подход (самые видные представители – А. Экстайн и Г. Вульф), наиболее взвешенный и рациональный [17. Р. 12–13]³. Адепты этого подхода исходили из того, что римскую внешнюю политику на протяжении веков определяло множество разных факторов как объективного, так и субъективного свойства, а вовсе не пресловутый милитаризм, понимаемый как некая патологическая римская агрессивность. Эти факторы необходимо изучать и анализировать. В контексте данного подхода Рим рассматривается как один из участников системы международных отношений, сложившейся в Средиземноморье в I тыс. до н.э. Для этой системы были характерны бесконечные межгосударственные военные конфликты и «анархия» (последняя понимается как многополярная система, лишенная признанного лидера⁴ и каких бы то ни было норм международного права).

¹ Сам термин появился в антиковедении сравнительно недавно, в начале XX в. [4. С. 9].

² Эта теория, окончательно сформулированная Т. Франком в 1914 г., безраздельно господствовала в антиковедении вплоть до 1979 г., когда вышла в свет эпохальная монография У. Хэрриса [21]. По словам Е.В. Смыкова, «естественно, с концом колониальной эры должна была неизбежно завершиться и эпоха господства концепции “оборонительного империализма”» [4. С. 15].

³ Между тем такой выдающийся антиковед, как Э. Грюн, вообще считал термин «империализм» неприменимым к римским реалиям [19. Р. 3].

⁴ В конечном счете таким признанным лидером стал Рим, а на смену «анархии» в международных отношениях пришел однополярный мир со своей жесткой политической иерархией.

Так, по мнению А. Экстайна, «успехи римлян были обусловлены слабостью и уязвимостью реальных и потенциальных противников Рима в отношении мобилизации общества в условиях военной угрозы наряду с преимуществами Рима в этом плане» [15. Р. 311].

Безусловно, нельзя сводить причины столь длительного существования Римской империи, объединявшей в своих границах десятки разнородных территорий и сотни различных этносов, народностей и племен, находившихся на разных стадиях исторического развития, к одному лишь фактору грубой силы и принуждения. Как справедливо отметил Е.В. Смыков, «если признавать, что все разнородные территории, в разное время вошедшие в состав Римской империи, сплачивала лишь сила – почему в таком случае это государственное образование оказалось столь прочным и не распалось даже в периоды опустошительных гражданских войн, когда мощь государства растрачивалась в братоубийственной бойне? Очевидно, признание римской политики исключительно агрессивной и завоевательной не вполне соответствует историческим реалиям и не дает ответы на возникающие вопросы» [4. С. 3].

У римлян не было термина, аналогичного позднему термину «империализм», поскольку латинские авторы практически не теоретизировали на эту тему; имея в виду расширение римского господства, наиболее близким по смыслу следует признать греческое слово «гегемония» (см., напр.: Polyb. I. 63. 9; Strab. VI. 4. 2) [16. Р. 39–40]. В свою очередь термин «империализм» является производным от латинского *imperium* – «военная власть». В I в. до н.э. к традиционному значению термина *imperium* добавилось еще одно – «держава»⁵. Его мы находим у Цицерона (*Cic. Balb.* 64; *Prov. cons.* 33; *Mur.* 58; *Mil.* 83) и Саллюстия (*Sall. Cat.* 10. 1). Во времена принципата Августа словосочетание *imperium populi Romani* стало означать то, что сегодня мы называем Римской империей [16. Р. 43].

В основе римской внешнеполитической парадигмы, сформировавшейся в эпоху Республики, лежало понятие «справедливой войны» (*bellum iustum*) (*Cic. Off.* I. 34–36) [30. Р. 29–30]. «Справедливой» признавалась только та война, которую римляне объявили и вели по всем правилам с достойным противником во имя «справедливой» цели, т.е. защищая либо самих себя, либо своих союзников (*Cic. Rep.* III. 35) [22. S. 9 ff.]. Напротив, необъявленные войны вроде *bellum servile* («рабская война», примеры – две войны с рабами на Сицилии и движение Спартака) или партизанской («малой») войны, которые велись «не по правилам», считались «разбоем» (*latrocinium*). В «Дигестах» Помпоний пишет: «“Hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt» («Враги – это те, кто нам или кому мы публично объявили войну; все остальные являются разбойниками или грабителями») (*Pompon. Dig.* 50. 16. 118. Пер. В.О. Никишина. *Ср.: Ulpian. Dig.* 49. 15. 24). Таким образом, *hostes* – это враги Рима в «правильной», т.е. объявленной по всем правилам, с соблюдением надлежащих обрядов и процедуры войне, тогда как *latrones* («разбойники») суть враги Рима в «неправильной», т.е. необъ-

⁵ У греков «архэ». См.: Polyb. I. 1. 5–6; Dio Cass. LXXIII. 14. 4; Herodian. I. 1. 5.

явленной войне [12. P. 17 ff.; 18. P. 214 ss.; 20. P. 17]. Когда у латинских авторов речь заходит о критике издержек римского «империализма», «разбойниками» (*latrones*) они называют самих римлян. Так, в «Письме Митридата» у Саллюстия римляне названы «разбойниками, грабящими народы» (*latrones gentium*) (Sall. *Hist.* IV. 69. 22. Пер. В.О. Горенштейна). У Тацита в «Агриколе» Калгак именуется римлян «расхитителями всего мира» (*raptores orbis*) (Tac. *Agr.* 30. 5. Пер. А.С. Бобовича под ред. М.Е. Сергеенко)⁶. Сравнения Рима с разбойником (*latro*) мы находим также у Помпея Трога (*Iustin.* XXXVIII. 4. 2) и Курция Руфа (*Curt.* VII. 8. 19).

Опираясь на понятие *bellum iustum*, Цицерон дал философско-нравственное оправдание римской территориальной экспансии (*Cic. Rep.* III. 34–37) [31. S. 89–93]. Здесь мы сталкиваемся с любопытным парадоксом. На закате Республики Цицерон, а в период Принципата Тацит, с одной стороны, оправдывают римский «империализм», видя в нем благо для покоренных народов – при условии «справедливой власти» (*iustum imperium*), но с другой – критикуют его же за ряд издержек. Так, Цицерон утверждал, что власть Рима над другими народами обусловлена римской доблестью (*propter virtutem omnibus nationibus imperat*) (*Cic. Verr.* II. 4. 81. Ср.: *Cic. Mur.* 22), что римляне богами и самой природой предназначены для господства (*Cic. Phil.* VI. 19; X. 20), которое виделось ему как своего рода «протекторат»⁷ над другими народами (*patrocinium orbis terrarum*) (*Cic. Off.* II. 26–27). Вместе с тем тот же Цицерон признавал не только то, что римляне наряду с войнами для защиты союзников вели также войны «за владычество» (*de imperio*) (*Cic. Off.* I. 38; II. 26), но и то, что они сами подчас поступали несправедливо по отношению к своим соседям-варварам (*Cic. Rep.* III. 16 [подробнее см.: 26]; *Fam.* XV. 1. 5), которые, случалось, начинали против них «справедливую войну» (*Cic. Prov. cons.* 4). Кроме того, Цицерон сурово порицал злоупотребления римской провинциальной администрации (*Cic. Leg. agr.* II. 45–47; *Prov. cons.* 5–7; *Leg. Man.* 40–41; *Dom.* 23; *Sest.* 93–94). Классическим образцом бескомпромиссного обличения творимого римским наместником произвола являются знаменитые веррины.

⁶ «Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат – они алчны; если беден – спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством, и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (“*Raptores orbis, postquam cuncta vastantibus defuere terrae, mare scrutantur: si locuples hostis est, avari, si pauper, ambitiosi, quos non Oriens, non Occidens satiaverit: soli omnium opes atque inopiam pari adfectu concupiscunt. Auferre trucidare rapere falsis nominibus imperium, atque ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*”).

⁷ Термин «протекторат» в данном случае нельзя считать вполне удачным, поскольку с его употреблением неизбежно связана известная модернизация истории (см. выше). Тем не менее, нам представляется, что именно этот термин (от англ. «защищать», «оказывать покровительство») на сегодня наиболее адекватно отражает римскую формулу отношений между римлянами и покоренными народами, т.е. традиционных отношений патроната – клиентелы. О дискуссии в историографии XX в. по поводу сущности, мотивов и идейной подоплеки римского «империализма» см.: 16. P. 45 ff.

В свою очередь Тацит противопоставляет налагаемому на побежденных «справедливому» римскому господству (*Romanum ius, victis impositurum*) (Тас. *Ann.* XV. 6), которое было бы для них «благом», развращающее влияние цивилизации на неискушенных варваров (Тас. *Germ.* 5; 15) и, как следствие, порчу нравов «благородных дикарей». Время от времени возникавшие восстания против римского владычества дали основание Тациту вложить в уста британца Калгака слова о том, что даже союзников Рима из числа галлов, германцев и британцев до поры удерживают на римской службе *metus ac terror* («боязнь и устрашение»), а вовсе не *caritas* («искренняя приверженность») (Тас. *Agr.* 32). Поэтому римлянам приходилось постоянно опасаться «выступлений враждебных народов» (*tumultus hostilis*) (Тас. *Ann.* IV. 29). Результатом такого положения вещей стало проведение политики «разделяй и властвуй»: по словам Юлия Цивилиса, “*provinciarum sanguine provincias vinci*” (Тас. *Hist.* IV. 17). Суть этой политики заключалась в том, чтобы всеми средствами разжигать среди варваров смуты и междоусобия с целью использовать это состояние нестабильности в своих политических интересах (Тас. *Ann.* XII. 48). Такова была «цена проблемы»: для римлян – плата за имперские амбиции, для покоренных народов – плата за «блага» романизации. Как писал Г.С. Кнабе, «восстания неизменно подавлялись, но ощущение жестокости и бесчеловечности римской власти, напора и силы, с которой все местное, корневое, свое стремилось выбиться из-под этого пресса, было всеобщим. К нему присоединялось, впрочем, и другое чувство. При всем гнете и насилии римское господство означало рост богатства, распространение цивилизации, усложнение жизни и труда, торжество над хаотичными силами природы. Насильственно насаждаемая римская государственность воспринималась как плата за приобщение к классической античной культуре» [2. С. 84–85].

По словам Тима Корнелла, «римляне были империалистами и гордились этим» [13. Р. 141. О римском «империализме» эпохи Республики см.: 14]. К IV в. до н.э. «война для Рима была социальной, политической и экономической необходимостью» [14. Р. 572]. Так было на протяжении веков, однако в конце Республики – начале Империи ситуация в корне меняется. Последний мощный всплеск римского «империализма» приходится на время принцепата Августа [подробнее см.: 11. Р. 96 ff]. Харизматичный наследник Цезаря присоединил к империи Египет, Паннонию, Мёзию, Норик, Рецию, мечтая о покорении Британии, Парфии и далекой Индии [11. Р. 108]. Исключительно важной, рубежной вехой в истории Августова «империализма» стала, безусловно, *clades Variana* (9 г.), положившая конец мечтам Августа и его ближайшего окружения о завоевании Германии. Разгром легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в известном смысле ударил по «застоявшимся умам», остудив пыл агрессивно настроенных римских консерваторов во главе с Августом и освежив в коллективной исторической памяти римлян их давние «фобии», связанные с галлами и германцами [8. S. 45]. После гибели легионов Вара римляне, видимо, всерьез опасались германского вторжения в Италию, хотя никакой реальной угрозы Риму со стороны германцев тогда не было.

Как удачно высказался в свое время Питер Брант, «реакция римлян на вероятную угрозу напоминает реакцию возбужденного тигра, потревоженного во время еды» [10. Р. 177]. Поэтому после катастрофы в Тевтобургском лесу германцев в Риме стали еще больше бояться и ненавидеть. Следствием этого явились изгнание галлов и германцев из Рима по приказу Августа (Dio Cass. LVI. 23. 4) и жестокие акции в отношении мирного населения в ходе римских военных экспедиций за Рейн; об одной из таких акций сообщает Тацит (Tac. *Ann.* I. 51).

Наконец, Август начал создавать на рубежах империи защитный «пояс» в виде вассальных царств, которые в случае военной угрозы должны были принять на себя первый удар варварских полчищ⁸. «Стоящими на страже державы» именуется эти государственные образования в надписи из Кизика, датированной 37 г. до н.э. (IGR. Vol. IV. 145, v. 3). Впрочем, Дэвид Браунд в своей классической работе убедительно показал, что рассматривать вассальные царства лишь как буферные государства в общепринятом смысле этого термина, введенного в оборот в 1920-х гг. лордом Дж. Керзоном (buffer states), т.е. как страны, расположенные между враждующими великими державами, разделяющие их и обеспечивающие таким образом отсутствие общих границ, было бы неверно [9. Р. 91, п. 1–2]. Здесь необходимо помнить об амбивалентной сущности римского института патроната-клиентелы: клиент и патрон традиционно были связаны взаимными обязательствами [9. Р. 93. Ср.: 23. Р. 33, п. 47. См. также: 6]. Соответственно, если вассальные цари защищали империю, то и империя, в свою очередь, защищала их и в случае надобности оказывала (или не оказывала, при неблагоприятном обороте событий ограничиваясь предоставлением политического убежища изгнанному из своего царства монарху и его семье: 27. Р. 47–48) помощь войсками, оружием и деньгами. В свете такого подхода «буферная» теория в чистом виде дает сбой [11. Р. 299]: ведь если вассальные царства были «буфером» для Рима⁹, то и Рим, со своей стороны, являлся «буфером» для вассальных царств [11. Р. 93].

После смерти Августа (14 г.), завещавшего своему преемнику воздержаться от расширения границ империи (*consilium coercendi intra terminus imperii*) (Tac. *Ann.* I. 11. Ср.: Dio Cass. LVI. 33. 5), территориальная экспансия Рима постепенно сходит на нет. В 16 г. Тиберий отозвал Германика с театра военных действий, и римляне перешли к обороне на рейнском рубеже (Tac. *Ann.* II. 26). Более того, Тацит пишет о резком снижении военной активности Рима при Тиберии по сравнению с эпохой Республики (Tac. *Ann.* IV. 32. Ср.: Tac. *Ann.* I. 3; II. 26; VI. 32; *Agr.* 13). Известно, что в период Принципата имели место локальные вооруженные конфликты на границах и восстания в провинциях, как то: восстания Такфарината (17–24 гг.), Флора и Сакровира (21 г.), Боудик-

⁸ Вассальные правители не только обеспечивали правопорядок и безопасность на окраинах Римской державы, но и служили проводниками греко-римской цивилизации на местах. Одним из таких царей был Юба II Мавретанский [3].

⁹ Вплоть до нач. II в. н.э. вассальные царства играли немалую роль в обеспечении безопасности имперских границ [25. Р. 203].

ки (61 г.), Цивилиса (69–70 гг.), два грандиозных восстания в Иудее (66–73 и 132–135 гг.). О многих военных конфликтах мы, очевидно, просто-напросто не знаем, поскольку наши источники о них не сообщают. По мнению Т. Корнелла, все дело в том, что войны в эпоху Республики отличались по своему характеру от войн периода Принципата: первые велись ради завоевания новых земель, тогда как вторые главным образом имели своей целью удержание уже завоеванных территорий, а также подавление восстаний и мятежей в провинциях [13. Р. 153]. Характерно, что при этом в рамках официальной имперской идеологии продолжала существовать парадигма *imperium sine fine* («империя без границ»), нашедшая свое отражение в литературных произведениях, надписях и монетной чеканке, а идея расширения империи (*propagatio imperii*) жила в умах римлян и при Антонинах, и при Северах [32. Р. 298–299].

Разумеется, характер войн менялся постепенно. Начало этого длительного процесса, видимо, следует отнести ко II в. до н.э.: чем дальше, тем продолжительнее становились мирные «интерлюдии», ежегодные кампании постепенно сменились постоянным военным присутствием в провинциях, а со времен Гракхов участились внутренние конфликты – гражданские войны в Италии, восстания и мятежи в провинциях [13. Р. 157 ff.; 14. Р. 582].

По выражению Т. Корнелла, «римская Республика... пала жертвой собственного успеха» [13. Р. 158]. Уже с I в. до н.э. крупные захватнические авантюры, такие как завоевание Галлии, вторжение в Британию или покорение Дакии, носили исключительный характер и случались крайне редко, милитаризм римского общества в целом и аристократии в частности неуклонно снижался [14. Р. 574–575]. В этом плане внешнеполитический курс Ранней империи мало чем отличался от внешнеполитического курса периода Поздней республики. Эту тенденцию нарушил всплеск «империализма» при Августе.

Чем можно объяснить данный феномен? Во-первых, не будем забывать, что Принципат, который во II в. представлялся некоторым современникам монархией без царских регалий (*Suet. Tib. 14. 2*), во времена Августа и Тиберия официально именовался «восстановленной республикой» (*res publica restituta*). В рамках этой сугубо консервативной идеологемы был по-своему логичен и даже, пожалуй, неизбежен возврат к республиканскому «империализму», т.е. к активной внешней политике и, конкретно, к завоевательным войнам. Во-вторых, огромная армия (25 легионов) не могла долго находиться в бездействии. В-третьих, Август, видимо, стремился подтвердить свое реноме достойного наследника Цезаря – великого завоевателя и полководца. В-четвертых, проведение активной внешней политики было необходимо из соображений престижа правящей династии [13. Р. 161–162].

Интеллектуалы Августова «золотого века» чутко восприняли и отразили в своих произведениях великодержавные устремления основателя Принципата; пример – известные пассажи у Тита Ливия («нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию») (*Liv. I. 16. 7. Пер. В.М. Смирин*) и Вергилия («Рим до пределов вселенной расширит власти пределы своей») (*Verg. Aen. VI. 781–782. Пер. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского*). Вместе с тем,

по-видимому, не приходится всерьез говорить о том, что такой осторожный и в высшей степени осмотрительный политик-прагматик, каким был Август, в своем внешнеполитическом курсе руководствовался агрессивной стратегией.

К началу новой эры римская политика «перманентной» территориальной экспансии, по-видимому, полностью себя исчерпала. Провозглашение «Августова мира» (*paх Augusta*) греческие и римские писатели объясняли тем, что римляне к тому времени уже завоевали лучшую часть ойкумены, а воевать за бесплодные и скудные земли варваров просто не имело для них никакого смысла (Strab. VI. 4. 2; XVII. 3. 24; App. *Praef.* 7; Flor. II. 29. 20).

В современной историографии на сей счет существует вполне обоснованное мнение, что решающую роль в отказе наследников Августа от политики «агрессивного империализма» сыграл сам факт появления профессиональной армии и военных (*virī militares*), для которых война стала ремеслом. В результате милитаризация римского общества постепенно стала сходить на нет, людей, сведущих в военном деле, становилось все меньше, а тех, кто был совершенно незнаком с армейскими реалиями и абсолютно равнодушен к военному ремеслу, напротив, все больше. Иными словами, война стала «незнакомой реальностью» для большинства жителей многонациональной империи [13. Р. 168], принцепсы же, если и отправлялись в завоевательный поход, то исключительно из соображений политического престижа. Если так, то указанные объективные обстоятельства, надо полагать, значительно облегчали главную задачу, стоявшую перед имперской пропагандой: сделать так, чтобы население Римской империи поверило в идентичность понятий «империя» и «мир» [33. Р. 178]¹⁰.

Результаты

Само установление режима принципата, когда, по словам Тацита, «в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека» (Tac. *Hist.* I. 1. Пер. Г.С. Кнабе под ред. М.Е. Грабарь-Пассек), со временем было осмыслено – и прокламировалось – как «установление гражданского мира» (*paх civilis*) (Suet. *Claud.* 41. 2). Пропаганда убеждала граждан в том, что Август «умиротворил» и «восстановил» республику, освободив её от власти «партий», смуты, голода и страха; он обуздал пиратов и вернул господам беглых рабов, восстановив свободу, законный порядок в государстве и право частной собственности. Как утверждал сам Август в своих «Деяниях», «после того как я потушил гражданские войны, владея при всеобщем согласии высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского» (*RGDA.* XXXIV. Пер. А.Л. Смышляева). На аверсе монет, отчеканенных в 28 г. до н.э., красовалась легенда: *libertatis populi Romani vindex* («защитник свободы римского народа»), тогда

¹⁰ Помимо всего прочего, завоевательные войны ложились тяжким бременем на финансы империи; этот фактор был одним из решающих, когда императоры принимали решение о том, начинать или нет очередную военную кампанию [28. Р. 332].

как на реверсе была изображена богиня мира Пакс (Рах). Так закладывались идеологические основы принципата Августа [1. С. 334]¹¹. В этой связи необходимо признать, что лозунг рах Romana, являясь безусловным идеологическим штампом (ср. с тирадой мятежного бритта Калгака в интерпретации Тацита: «создав пустыню, они (римляне. – В.Н.) говорят, что принесли мир» (*ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*: Тац. *Агр.* 30), во многом отвечал реальной действительности и не мог не пользоваться поддержкой в массах¹². Хотя на деле, разумеется, «мир» в провинциях был весьма относительным [13. Р. 188–189]. В этом отношении весьма характерным представляется пример Галлии.

Когда в 48 г. Клавдий даровал своим землякам, знатным и богатым выходцам из Лугдунской Галлии (недаром Сенека в своем «Апоколокинтосисе» назвал Клавдия «галлом»: *Sen. Apocol.* 6. 1), право заседать в сенате и занимать почетные должности в Риме (*ius honorum*), консерваторы напомнили принцепсу о вековом *metus Gallicus*: «Или нам мало, что венеты и инсубры прорвались в курию, и мы жаждем оказаться как бы в плену у толпы чужеземцев?» (Тац. *Ann.* XI. 23. Здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеевко). В ответ Клавдий заявил о том, что галлы связаны с римлянами «общностью нравов, сходством жизненных правил, родством» (*ibid.* 24)¹³. Свою аргументацию император подкрепил тезисом о «столетней верности» галлов Риму (CIL XIII 1668 [= ILS 212] col. II 33–34: “centum annorum immobilem fidem obsequiumque”). Получается, что, по версии Клавдия, после покорения Галлии Цезарем (51 г. до н.э.) в отношениях между галлами и римлянами царил «нерушимый и прочный мир» (*continua inde ac fida pax*) (Тац. *Ann.* XI. 24). И это при том, что в 21 г. н.э. восстали эдуи и треверы под предводительством Флора и Сакровира (Тац. *Ann.* III. 40–46; *Vell.* II. 129. 3), да и до того в Галлии время от времени велись военные действия (галлы восставали в 38 и 31–27 гг. до н.э.) [33. Р. 187]! Хотя Тацит и пишет, что Галлия в этот период была замирена (Тац. *Hist.* I. 16), однако археологические исследования убеждают нас в обратном. Речь идет, прежде всего, о прекрасно укрепленных фортах, раскопанных на территории бывших галльских провинций. Таким образом, Галлия вовсе не была замирена настолько, насколько этого хотелось бы Тиберию или Клавдию [33. Р. 188, п. 1].

Заключение

Понятие рах Romana включало в себя два компонента: мир в провинциях и безопасность границ [33. Р. 179]. Границы империи отделяли мир цивили-

¹¹ Характерно, что с именем Августа римляне связывали понятия «свобода» и «богатство» (*Suet. Aug.* 98. 2).

¹² По мнению Е.М. Штаерман, «золотой век» Августа действительно вызвал всплеск массового энтузиазма и веры в счастливое будущее: один лишь сервиллизм не мог послужить основой того расцвета литературы и искусства, которым было отмечено правление Августа [5. С. 183].

¹³ Несмотря на глухой ропот консервативной «оппозиции Его Величества» в сенате, процесс интеграции провинциальных элит, начавшийся еще в эпоху Республики, получил интенсивное продолжение при преемниках Клавдия [24. Р. 305 ff.).

лизации (*imperium Romanum* [о нем см.: 29]), эту, по словам Фергюса Миллара, «сложную систему, включавшую в себя много разных географических зон, этнических групп и политических устройств» [25. Р. 229], от мира варварства. Как писал Дакре Балсдон, «если римлянин окидывал взором мир, он видел цивилизацию в Греции и – не каждый грек согласился бы с ним – в Риме (также, может быть, в далекой Индии), и он находил ее во всех тех, кто был достаточно романизован (в некоторых случаях, как сказал бы Тацит, чересчур романизован). То были дети света; все остальное утопало во тьме варварства» [7. Р. 63–64]. В перспективе пространство цивилизации могло расширяться (парадигма *imperium sine fine*: Verg. Aen. I. 279). Как остроумно заметил Грег Вульф, «границы имперского периода являлись системами коммуникаций и развертывания, а вовсе не пределами Римской державы, и римские писатели не считали, что войска служат лишь оборонительным целям» [33. Р. 180].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAWM – Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz.

CAH – The Cambridge Ancient History.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

CQ – Classical Quarterly.

IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae.

JRS – The Journal of Roman Studies.

RGDA – Res gestae divi Augusti.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995.
- [2] Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981.
- [3] Никишин В.О. Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. Вып. 2. 2017. С. 43–59.
- [4] Смыков Е.В. Новые подходы к исследованию римской восточной политики. Саратов, 2010.
- [5] Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.
- [6] *Amici – socii – clientes? Abhängige Herrschaft im Imperium Romanum* (Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 31) / Hrsg. E. Baltrusch und J. Wilker. Berlin, 2015.
- [7] Balsdon J.P.V.D. *Romans and Aliens*. L., 1979.
- [8] Bellen H. *Metus Gallicus – Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic* / AAWM. 3. 1985.

- [9] Braund D.C. *Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship*. L., 1984.
- [10] Brunt P.A. “*Laus imperii*” // *Imperialism in the Ancient World* / Eds. P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 159–191.
- [11] Brunt P.A. *Roman Imperial Themes*. Oxford, 1990.
- [12] Burian J. *Latrones*. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // *Eirene*. *Studia Graeca et Latina*. 21. 1984. S. 17–23.
- [13] Cornell T. The end of Roman imperial expansion // *War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society*. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 139–170.
- [14] Eckstein A.M. *Conceptualizing Roman Imperial Expansion under the Republic // A Companion to the Roman Republic* / Eds. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. P. 565–589.
- [15] Eckstein A.M. *Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome*. Berkeley and Los Angeles, 2006.
- [16] Edwell P. *Definitions of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 39–52.
- [17] Ghio G. *Roman Soldiers on the Spot: Integration and Issues. A case study based on the province of Egypt (I–II century AD)*. Leiden, 2017–2018.
- [18] Giuffrè V. “*Latrones desertoresque*” // *Labeo*. *Rassegna di diritto romano*. 27. 1981. P. 214–218.
- [19] Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Vol. 1. Berkeley, 1984.
- [20] Grünewald Th. *Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. L.; N.Y., 2004.
- [21] Harris W.V. *War and Imperialism in Republican Rome, 327 – 70 BC*. Oxford, 1979.
- [22] Kroll W. *Die Kultur der ciceronischen Zeit*. Leipzig, 1933.
- [23] Lintott A. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. L.; N.Y., 1993.
- [24] Madsen J.M. *The Provincialisation of Rome // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 305–318.
- [25] Millar F. *Rome, the Greek World, and the East* / Eds. H.M. Cotton and G.M. Rogers. Vol. 2. *Government, Society, and Culture in the Roman Empire*. L., 2004.
- [26] Paterson J. *Transalpinæ gentes: Cicero, De re publica 3, 16 // CQ*. 1978. 28. P. 452–458.
- [27] Pitts L.-F. *Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D.* // *JRS*. 79. 1989. P. 45–58.
- [28] Potter D. *The Limits of Rower // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 319–332.
- [29] Richardson J.S. *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS*. 81. 1991. P. 1–9.
- [30] Stone M. *The Genesis of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81)* / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 23–38.
- [31] Vogt J. *Ciceros Glaube an Rom*. Darmstadt, 1963.
- [32] Whittaker C.R. *Frontiers // CAH*. 2nd ed. Vol. XI. *The High Empire, AD 70–192* / Ed. A.K. Bowman. Cambridge, 2008. P. 293–319.
- [33] Woolf G. *Roman peace // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society*. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 171–194.

REFERENCES

- [1] Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy oficialnoy politiki Rimskoj Imperii [The Coins as a mean of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. M., 1995.
- [2] Knabe G.S. Kornelij Tacit. Vremya. Zhizn'. Knigi [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. M., 1981.
- [3] Nikishin V.O. Kak kultura preodolela negativnyj stereotip: portret mavretanskogo carya Juby II v kontekste rimskih etnicheskikh predrassudkov [How the culture overcame a negative stereotype: the portrait of Mauretanian king Juba II in the context of the Roman racial prejudices] // Egipet i sopredel'nye strany [Egypt and neighbouring countries]. Vyp. 2. M., 2017. S. 43–59.
- [4] Smykov E.V. Novye podhody k issledovaniju rimskoj vostochnoj politiki [The new approaches of research of the Roman eastern policy]. Saratov, 2010.
- [5] Shtaerman E.M. Social'nye osnovy religii drevnego Rima [Social bases of the religion of Ancient Rome]. M., 1987.
- [6] Amici – socii – clientes? Abhängige Herrschaft im Imperium Romanum (Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 31) / Hrsg. E. Baltrusch und J. Wilker. Berlin, 2015.
- [7] Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979.
- [8] Bellen H. Metus Gallicus – Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic / AAWM. 3. 1985.
- [9] Braund D.C. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. L., 1984.
- [10] Brunt P.A. “Laus imperii” // Imperialism in the Ancient World / Eds. P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 159–191.
- [11] Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxford, 1990.
- [12] Burian J. Latrones. Ein Begriff in römischen literarischen und juristischen Quellen // Eirene. Studia Graeca et Latina. 21. 1984. S. 17–23.
- [13] Cornell T. The end of Roman imperial expansion // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 139–170.
- [14] Eckstein A.M. Conceptualizing Roman Imperial Expansion under the Republic // A Companion to the Roman Republic / Eds. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. P. 565–589.
- [15] Eckstein A.M. Mediterranean Anarchy, Interstate War, and the Rise of Rome. Berkeley and Los Angeles, 2006.
- [16] Edwell P. Definitions of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 39–52.
- [17] Ghio G. Roman Soldiers on the Spot: Integration and Issues. A case study based on the province of Egypt (I–II century AD). Leiden, 2017–2018.
- [18] Giuffrè V. “Latrones desertoresque” // Labeo. Rassegna di diritto romano. 27. 1981. P. 214–218.
- [19] Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley, 1984.
- [20] Grünewald Th. Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality. L.; N.Y., 2004.
- [21] Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327 – 70 BC. Oxford, 1979.
- [22] Kroll W. Die Kultur der ciceronischen Zeit. Leipzig, 1933.

- [23] Lintott A. *Imperium Romanum: Politics and Administration*. L.; N.Y., 1993.
- [24] Madsen J.M. *The Provincialisation of Rome // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 305–318.*
- [25] Millar F. *Rome, the Greek World, and the East / Eds. H.M. Cotton and G.M. Rogers. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire. L., 2004.*
- [26] Paterson J. *Transalpinæ gentes: Cicero, De re publica 3, 16 // CQ. 1978. 28. P. 452–458.*
- [27] Pitts L.-F. *Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. // JRS. 79. 1989. P. 45–58.*
- [28] Potter D. *The Limits of Rower // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 319–332.*
- [29] Richardson J.S. *Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // JRS. 81. 1991. P. 1–9.*
- [30] Stone M. *The Genesis of Roman Imperialism // A Companion to Roman Imperialism (History of Warfare. Vol. 81) / Ed. D. Hoyos. Leiden-Boston, 2013. P. 23–38.*
- [31] Vogt J. *Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963.*
- [32] Whittaker C.R. *Frontiers // САН. 2nd ed. Vol. XI. The High Empire, AD 70–192 / Ed. A.K. Bowman. Cambridge, 2008. P. 293–319.*
- [33] Woolf G. *Roman peace // War and Society in the Roman World / Leicester-Nottingham Studies in Ancient Society. Vol. 5 / Eds. J. Rich and G. Shipley. L., 1993. P. 171–194.*

Research article

Pax Romana and the Roman “imperialism” in the 1st century A.D.

Vladimir O. Nikishin

*Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Av, 27–4, Moscow, Russia, 119991*

This article is devoted to such a historical phenomenon as the Roman “imperialism” in the epoch of Augustus and his coming successors. Despite the fact that the founder of the Principate had declared the coming of “pax Augusta”, he spent several wars of conquest (for instance, in Spain and Germany). But Tiberius had already refused of “aggressive imperialism”, then the Empire moved to defense at all frontiers. The emperors of the 1st century A.D. only from time to time took offensive actions (for example, in Armenia or Britain). Probably, there were two reasons for the Romans’ rejection of expansion policy. First of all, by that moment they had already conquered practically all the Mediterranean, and the expanding of the boundaries of the Empire hadn’t sense any more. Secondly, the creation of professional army led to the noticeable decline of the militarization level of the Roman society, which from that on was keenly interested in the keeping of peace and stability all over the “pax Romana”.

Keywords: the Roman “imperialism”, “defensive imperialism”, “aggressive imperialism”, “bellum iustum”, Quintilius Varus, Augustus, Claudius, Teutoburger Forest, vassal kingdoms, “pax Augusta”

Информация об авторе / Information about the author

Никишин Владимир Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: cicero74@mail.ru

Nikishin Vladimir Olegovich, Candidate of Historical Sciences, senior teacher of the department of the ancient history in the history faculty of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: cicero74@mail.ru

Для цитирования / For citation

Никишин В.О. Pax Romana и римский «империализм» в I в. н.э. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 76–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

Nikishin V.O. Pax Romana and the Roman “imperialism” in the 1st century A.D. // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. № 1. Pp. 76–90. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-76-90>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 14.12.2018